

Вмассе его бояться. В кино пришел Чужой. Человек-цифра, человек-расчет, человек — юридическая справка. Но главное, что эта персона не из кинематографии. А значит, Не Свой. Ситуация в кино с этого момента превратилась практически в военную. Есть Свои — основная масса кинематографистов, и Чужие — Михалков и его команда во главе с Пиорунским. Было бы странно не поинтересоваться, какой он, избранник Михалкова. Его правая рука, его тень — этот Пиорунский.

— Честно говоря, Дима, большинство представляет вас со слов Юлия Гусмана: "Не бойтесь, он такой же толстый, как я, только другой".

— У Гусмана мания величия — у меня живот больше, я вешу 160 килограммов.

— Но вы понимаете, что пугаете кинематографистов?

— Я их боюсь гораздо больше. А вообще я не такой страшный. Просто людям непонятны мотивы, почему мы пришли в Союз кинематографистов и что мы там делаем.

— Считается, что Михалков некогда занимался союзом — он занят своим фильмом — и фактически союзом управляет его команда, то есть вы?

— У Михалкова минимум три мобильных телефона. Он много перемещается по миру, по России, но работа идет и в воздухе, и на земле, и днем, и ночью. Мало кто знает, что Михалков спит в среднем три часа в сутки. Спит только на даче, в гараже, потому что за три часа в городе выспаться невозможно. Когда удается, спит в машине. Каждый день он не меньше двух часов занимается спортом — бег, тренажеры, силовые упражнения. Остальные 19 часов он непрерывно работает. Мы неоднократно говорили ему, чтобы он не давал свой номер телефона никому, кто ему кажется важным для дела, но он не слушает нас. В результате каждый знает: поговорить с ним невозможно, потому что телефон постоянно занят.

— Я слышала от многих кинематографистов, что в вашем ведомстве надо пройти сквозь строй секретарш, чуть ли не письменно изложить, чего вы хотите. От этой волокиты у людей уже не возникает желания обращаться к вам с просьбами...

— Мы действительно стараемся организовать работу Никиты Сергеевича так, чтобы он минимально общался непродуктивно.

— А почему вы, его первый зам, не сидите в Доме кино, так же было бы проще и для вас, и для тех, кому нужно с вами пообщаться?

— Если бы мне кто-то сказал, где я могу там сесть, я прямо туда бы и шел. Сегодня сделать это — значит кого-то выселить.

— Не секрет, что многие Михалкова не любят. Фактически отношения Союза кинематографистов с вашей командой напоминают войну.

— У союза очень большое хозяйство. Надо его привести в порядок. И надо, чтобы это делали те, кто понимает, как сделать так, чтобы это хозяйство работало. Мы подготовили пакет документов, сделали профессиональные расчеты, но поняли, что их никто даже читать не хочет. Люди как будто не хотят понимать, что кино — это бизнес, индустрия. Оно сегодня живет по новым правилам.

— Как может выглядеть эта индустрия по правилам Михалкова?

— Сегодня средний бюджет картины в Америке — 20–40 млн. долларов. Они нас просто не замечают, не понимают, кто мы такие. Надо добиться, чтобы в течение ближайших 15 лет средний бюджет российских фильмов был 10 миллионов долларов. Сам я жертва советского кино. Я люблю фильмы Германа, Тарковского, Абдрашитова, Шахназарова, Соловьева. Когда вышли "Сто дней после детства", мне было столько лет, сколько героям этого фильма.

— А сколько вам лет?

— 39... Но к этому уже нельзя вернуться. Кино сегодня уже больше аттракцион, чем киноискусство. Если взрослый человек хочет подумать у голубого экрана, он идет в Музей кино или включает видека. В кино он идет, условно говоря, оторваться. Там на него летят астероиды, стреляют лазерные пистолеты. Я познакомился с Валерой Тодоровским, он тоже понимает, что надо снимать что-то среднее между кинозрелищем и киноискусством.

— Сегодня есть фильм, идеально отвечающий вашей модели?

— "Сибирский цирюльник". Я видел его пять раз.

— Какая формула идеального кино есть в фильме Михалкова?

— Любовь к Родине. Гордость, что мы русские. Красивый, вкусный фильм. Там все 45 миллионов долларов видны на экране — цент в цент.

— Вы пришли в кино из бизнеса?

— Я и не пытаюсь изображать из себя кинематографиста или с кем-то содержательно говорить на тему кино. Я бизнесмен. В свое время моя компания производила детские персональные компьютеры. Сегодня занимаюсь большой химией, а еще мы производим биоигурты. Будем строить завод. К кино это имеет непосредственное отношение. Здоровый цинизм должен быть присутствующим, извлекающим прибыль из любой производственной деятельности.

— Кто вы по образованию?

— Я физик. Окончил Московский государственный университет.

— Какое у вас впечатление от кинематографистов?

— Недавно я получил заявление о материальной помощи: "Мне нужно 400 рублей, чтобы сделать

В кино появился новый человек.

Зовут его Дмитрий Пиорунский.

В команде Михалкова он —

первый. После Михалкова —

второй. Кинематографисты до сих

пор не научились выговаривать

эту фамилию.

МЫШЬ Михалкова

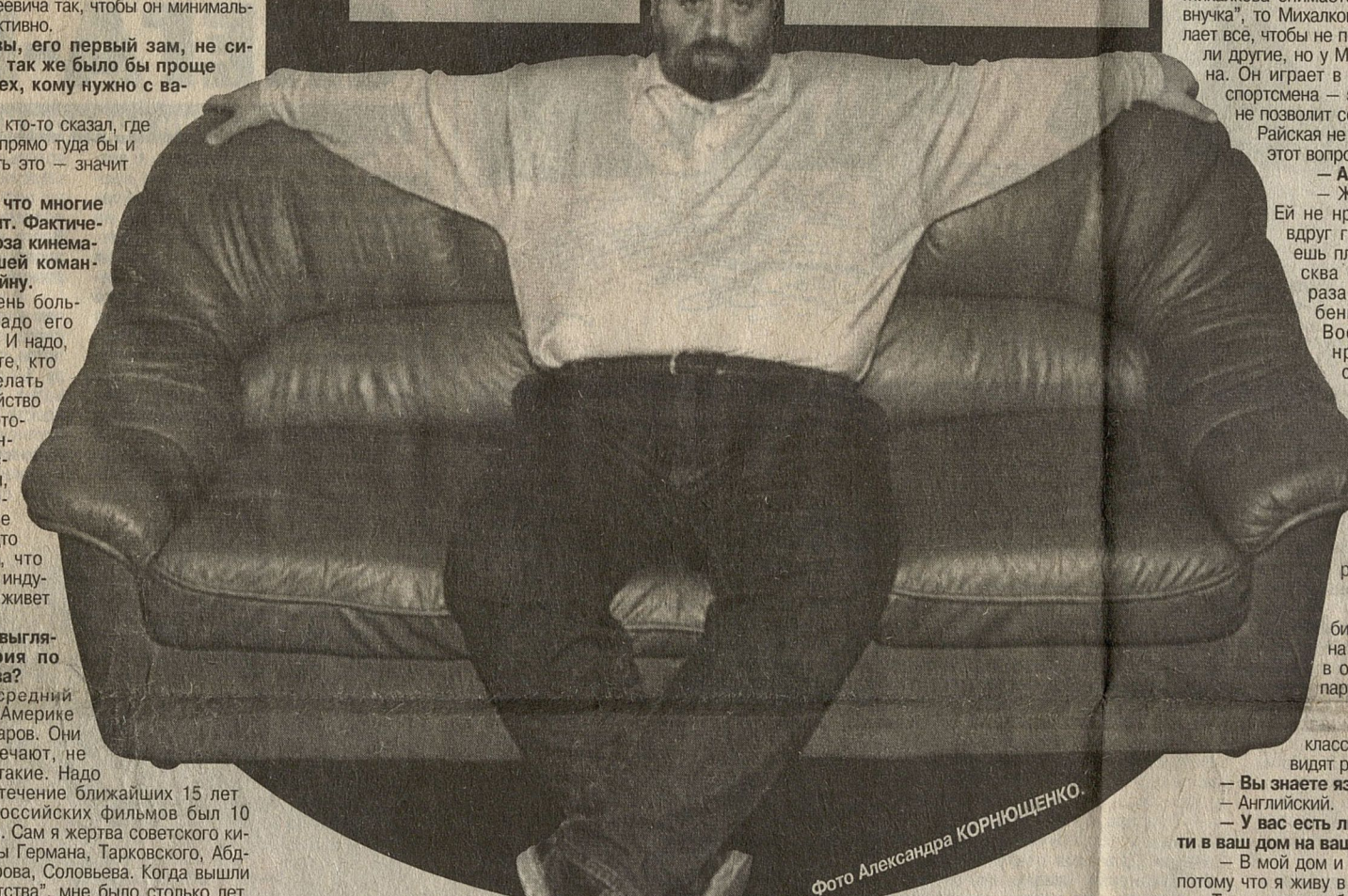

Фото Александра Корнющенко.

мьеры "Сибирского цирюльника" у него больше времени, будут присутственные дни в союзе. Съезд вручил Михалкову полномочия на три года. Если через три года он не добьется реализации своей программы, он очень сильно потеряет в общественном мнении. На карту поставлена его репутация. Когда на съезде он призывал верить ему, это не значит, что он призывал расслабиться и получать удовольствие. Он призывал к делу. Он говорил: "В кино чрезвычайная ситуация", а Армен Медведев, председатель Госкино, говорил: "В Багдаде все спокойно". Армен Николаевич — замечательный кинокритик, но он должен был бороться за отрасль. Сегодня его спокойствие привело к тому, что Госкино получает на 99-й год 236 миллионов рублей при курсе доллара 23, меньше какого-нибудь свечного завода.

— Насколько я понимаю, главное в вашей программе — ввести лицензию на всю кино- и видеопродукцию. Прибыль с этого образует капитал, который будет брошен на кинопроизводство, строительство кинотеатров. Но начали вы почему-то с захвата площадей Дома кино и Союза кинематографистов, определив

но кинотеатром, ресторан Дома кино — коммерческим, а туалеты Дома кино — платными?

— Надо совсем не любить команду Михалкова, чтобы придумать про платные туалеты. Сегодня ресторан Дома кино, куда так любят ходить критики нашего курса, не в состоянии платить даже арендную плату. Мы не покушаемся на ресторан, у меня рука не поднимется на эту кинематографическую святыню. Мы знаем, как решить все сразу, но поднимется такой вой, а мы не можем работать в окружении фронтов Антанты. Поэтому в Мингосимущество мы сдали только один акт — превратить Белый зал в современный кинотеатр со звуком "долби", кафе, кондитерскими, чтобы все это зарабатывало деньги, содержало Дом кино и драгоценный ему ресторан.

— Дима, поймите, это российский комплекс — люди боятся всего нового, потому что знают, что кому-то при этом будет хорошо, а всем остальным еще хуже.

— А правительство, глядя как мы тут в кино "поживаем", думает: "Если у них есть хватает сил на непрерывные разборки, кто в доме самец", значит, еще не клоннул петух".

— Но клонули кинематографистов именно вы, и еще до съезда. Вы помните так называемую аудиторскую проверку? 40 молодых в галстуках от Михалкова вошли в Дом кино, что-то там месяц рыли, привели всех в ужас...

— Во-первых, было только 3 молодца, остальные женщины. Во-вторых, Михалков не искал компромат, он хотел понять, в каком состоянии хозяйство.

— Нарыли?

— Нарыли. Но никому не скажем, потому что это повредит союзу и людям, которые там работают.

— Там действительно можно было заводить судебные дела?

— Можно было, но мы этого не сделали.

— Тем не менее сегодня на слуху одно судебное дело, которое можно было бы назвать "Дело Райской и Достала". Щекотливое. Вместо дочки Елены Райской, которую она планировала снимать, теперь снимается дочка Никиты Михалкова Надя. Вы ведь в курсе этого дела?

— Райская говорила, что вопрос деликатный. Я сказал, что меня это абсолютно не кольшет, так же как и Михалкова. Как член союза, она имеет право на защиту от союза. Люди думают, что если дочь Михалкова снимается в фильме "Президент и е внучка", то Михалков как председатель союза сдает все, чтобы не помочь Райской. Так бы поступили другие, но у Михалкова психология спортсмена. Он играет в футбол, теннис, а психология спортсмена — это уважение правил. Михалков не позволит себе поступать не по-мужски. Но Райская не принесла документов и решила этот вопрос сама, помимо союза.

— А вы любите кино?

— Жена со мной в кино не ходит. Ей не нравятся мои реакции — когда вдруг громко смеешься или начинаешь плакать. Фильм Меньшова "Москва слезам не верит" я смотрел раза четыре. Очень люблю "Особенности национальной охоты". Вообще мне разные фильмы нравятся. Михалков обычно смеется: "Ну да! Типичный массовый зритель — Ниф-Ниф, Наф-Наф и Нуф-Нуф".

— А как вы с ним познакомились?

— В ресторане... По-знайомили общие друзья.

— Вы дружны с его семьей?

— Мне кажется, у нас рощие отношения.

— А какая ваша семья?

— Ничего особенного — любимая жена, любимые дети. Жена — программист, я учился с ней в одной школе и сидел за одной партией.

— А дети?

— Сын учится в одиннадцатом классе, дочь — в седьмом. Папу они видят редко.

— Вы знаете языки?

— Английский.

— У вас есть люди, кто бы мог легко прийти в ваш дом на вашу кухню?

— В мой дом и на мою кухню сложно прийти, потому что я живу в пятиэтажном хрущевском доме. Там негде особенно посидеть. Единственный кинематографист, с которым у меня есть задушевные отношения, — это Михалков, хотя на кухню он ко мне не приезжал. В отличие от меня. Но в отличие от меня он и живет в гараже. Строит дом лет шесть или семь — у него долговстрой. На территории участка у него стоит гараж, там он даже праздновал Новый год. В Москве у него очень небольшая квартира — метров 100. Куда более незаметные люди живут на 200 метрах. У него очень простые дети и замечательная жена — милая, неизбалованная женщина. У него тоскливое благополучие во всем. За это его и не любят. А кто знает его образ жизни? Встает, садится в машину, из машины начинает звонить. Не ест — не завтракает и не обедает, только ужинает. За ужином к нему приезжают люди с кучей бумаг. Мы сидим в ресторане, подписываем бумаги и в промежутках что-то жуем. Кто не верит, может заехать в нескольких московских ресторанах типа "Эльдорадо" или "Дяди Вани" и посмотреть, как он ужинает и работает с документами.

— У вас есть разногласия?

— Только по поводу религии. Я физик, а он абсолютно убежденный и глубоко религиозный человек. Верующий в самом деревенском смысле этого слова. Он дает много личных денег на церкви, храмы, детские дома, иконы. Он ходит без охраны. Он абсолютно доступен, к нему может подойти каждый и даже буквально схватить, как это было в Алматы, где рядом с нами праздновалась свадьба. Но я бы не советовал к нему близко приближаться, потому что он морской пехотинец. И если он кому-то решит дать сдачи, я тому не завидую. А учитывая, что он еще и левша, как многие талантливые люди, то с ним тяжело вступать в противоборство. Потому что большинство хулиганов — люди неталантливые и бьют справа, а он — слева.

Наталья РТИЦЕВА.

анализы..." У людей нет даже 400 рублей. Я не понимаю, почему, когда есть возможность сделать Союз кинематографистов богатейшей организацией, люди так сопротивляются политике Михалкова.

— Как вы думаете, почему Михалков вызывает такое противостояние?

— Он раздражает своим благополучием. Но я его очень уважаю за ту работу, которую он делает над собой. Еще четыре года назад он был курящим человеком. Полнеющим. Не очень хорошо выглядел. Он похудел на 20 килограммов. В 50 лет он понял, что если не взнуздает себя, то не сможет сделать что-то еще. Парадокс в том, что коллеги выбрали его за влияние и за влияние же теперь его ненавидят. Я не охотник, но сегодня, когда читаю все, что пишут про Михалкова, может быть, схожу на охоту, постреляю и тогда успокоюсь.

— Михалков слишком сильно манипулирует людьми, это было видно уже на 4-м съезде.

— Управление всегда включает в себя элемент манипуляции. Где вы видели съезды без этого элемента?

— Никита Сергеевич переживает, что не находит общего языка со своими коллегами?

— Конечно. Но делает это как мужчина. Он пришел служить своим собратям. Они сами уговорили его, напомнив его же любимую фразу: "На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся". Ему 53 года, через семь лет будет 60. Сегодня он может многое сделать. Он вырос в семье с твердыми принципами. Ему мать запрещала развязывать веревки на торгах. Она говорила: "Не торгуйся, владей собой". В нем воспитана воля.

— Как он собирается общаться с людьми?

— Будет продолжать работать. После пре-

какую-то странную цифру для его членов — 30 дней в... году (!) они смогли бы посещать дом, в который до этого ходили легко и свободно.

— Преступление превратить самое модное ту-совочное место застойных лет в тихую заводь. "Кодак-Киномир" должен был быть на Васильевской. Надо зарабатывать, чтобы выжить. Надо, чтобы зарабатывал каждый метр недвижимости Союза кинематографистов, а сегодня это более 50 тысяч кв. метров. Мы привлекли на реконструкцию Дома кино 7 миллионов долларов, но кинематографисты сказали нам: "Пошли на фиг!".

Вам говорят, что у вас рак, нужна операция, а вы: "Не хочу". Ну если человек хочет умереть? Безнравственно вязать его по рукам и ногам и тащить на операционный стол и безнравственно ему это не предложить. И безнравственно не вызвать родственников и не объяснить им, что их любимый, дорогой человек находится в состоянии амнезии и ведет себя как сумасшедший... Мы заложили в программу 30 бесплатных дней в году для членов союза — для "Ники", премьер. На утренние сеансы, если товарищи хотят показать свои фильмы, пожалуйста, ходите бесплатно. Более того, на вечерние сеансы за 20 минут до начала на оставшиеся места члены союза могли пройти по членским билетам.

— Вы предлагаете известному режиссеру стоять в дверях в ожидании свободного местечка? Да он просто развернется и уйдет.

— Мы обязаны сообщить, что Дом кино сегодня нуждается в капитальном ремонте, что кинопроекторная аппаратура скоро сгорит, что сегодня даже не на что издать ежемесячник. Если бы не плохой Михалков и его плохая команда, не было бы отопления и дом стоял бы пустой.

— Тем не менее вы предприняли еще один шаг — предложили сделать Белый зал Дома ки-

Москва, Колосовский — 1999 — 27 февраля